

Часть вторая ПРИНЦИП *JUS IN BELLO*

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОГРАНИЧЕНИЙ *JUS IN BELLO*

Ги ван Дамм

В истории западной культуры истоки ограничений *in bello* можно найти еще в античности. Греческие войны (особенно в период с 700 по 450 г. до н.э.), по крайней мере в большинстве случаев, велись в согласии со множеством неписаных законов¹. Например, запрещалось убивать военнопленных, но за них надлежало требовать выкуп. Продолжительность преследования побежденного и отступающего врага была ограничена. Следовало соблюдать священные перемирия, особенно объявляемые на время проведения Олимпийских игр. Общепринято было также вести военные действия в обычное для военных кампаний время года (лето).

Детальные рекомендации относительно того, что позволительно, а что нет в военных действиях, были высказаны Платоном. Так, Платон настаивал на том, что при ведении войн внутри самой Греции недопустимо разрушение домов и опустошение земель, ибо такие действия наносят ущерб населению, которое не имеет ничего общего с войной. Недостойно эллина опустошать Элладу и, воюя против какого-то государства (в Элладе), считать врагами всех его мужчин, женщин и детей, между тем как только «виновники распри» являются врагами, и воевать следует с ними². Все это с

¹ Ober J. Classical Greek Times // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World / Ed. by M. Howard, G.J. Andreopoulos, M.R. Shulman. New Haven, CN: Yale University Press, 1994. P. 13.

² Платон. Государство, V, 471b // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 272

очевидностью свидетельствует о том, что Платон был безразличен к положению некомбатантов во время военных действий.

Однако эти и другие ограничения не были универсальными. Они применялись только в войнах внутри самой Греции. В этом отношении Платон проводит различие между «распрей», которая является конфликтом между греками-собратьями у себя на родине, и «войной», которая ведется с иноземцами¹. Необходимость во время междоусобицы соблюдать ряд правил, например не обращать в рабство греков или не разрушать греческие города, очевидна для Платона. После того как конфликт закончится, противникам предстоит снова жить вместе. Поэтому они должны избегать таких действий, которые сделают примирение невозможным². Что касается варваров (т.е. негреков), то их следовало уничтожать или порабощать, и здесь нет необходимости быть разборчивым в вопросе о том, что в бою допустимо, а что — нет. Платон сожалел, что греки нарушают эти правила, воюя друг с другом³, уж лучше бы, воюя с варварами, они относились к ним так, «как теперь относятся друг к другу»⁴.

В своем трактате «Об обязанностях» Цицерон указывает на то, что даже во время войны по отношению к врагу существуют определенные обязанности. В особенности это касается тех, кто сам сложил оружие или попал в плен: «И если о тех, кого ты наголову разбил своей силой, — говорит Цицерон, — надо заботиться, то тех, кто сложив оружие, прибегнет к покровительству наших императоров, надо <...> принять под свою руку»⁵. Кроме того, необходимо проводить различие между виновными и невиновными, а также «...щадить тех врагов, которые во время военных действий не проявили жестокость или варварство»⁶. Формулируя

¹ Платон. Государство, V, 470с // Там же. С. 271.

² Paskins B., Dockrill M. The Ethics of War. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. P. 196.

³ *См. также у Платона: «...Но пусть не забывают они [эллины], что цель — заключение мира: не вечно же им воевать» (Платон. Государство, V, 470е // Указ. соч. С. 271).

⁴ Платон. Государство, V, 471b // Там же. С. 272.

⁵ Цицерон. Об обязанностях, I, 35 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. С. 67.

⁶ Cicero. Quoted in Adeney B.T. Just War, Political Realism, and Faith. The Scarecrow Press, Inc., Methuen, 1988. P. 26.

свои соображения по части *in bello*, Цицерон руководствовался принципом «*humanitas*», который для этого стоического философа означал, что все люди (а не только люди собственного культурного сообщества) должны подчиняться принципам естественного права и справедливости. Несмотря на то что моральный универсализм Цицерона резко контрастировал с греческим моральным партикуляризмом (в греческих междоусобных войнах должны были применяться только ограничения *in bello*), на практике ведение военных действий римлянами славилось своей необузданностью¹.

В римском обществе война, в частности *обращение* к войне как средству, была очень формализована. Для того чтобы справедливо начать войну, нужно было соблюсти ряд религиозно-правовых предписаний. Примером таких предписаний было правило «*heretitia regum*». Согласно этому правилу, для того чтобы избежать войны, необходимо перед ее объявлением дать нарушившей договор стороне возможность возместить нанесенный ущерб. Если в течение 33 дней от нарушителя не последовало никакой реакции, то при одобрении сената и народа «*fetiales*», или жрецы-послы, принимали решение о формальном объявлении войны². Однако когда война получала религиозно-правовую санкцию, действительное поведение больше не подчинялось правовым или каким-либо иным ограничениям. Напротив, отмечает Фредерик Рассел, сама мысль о том, что кто-то ведет юридически правильную войну, часто приводила к убеждению, будто теперь уже нет необходимости уважать права врагов³. Имея в виду именно жестокость, с которой римляне вели военные действия, средневековые ученые говорили о «*bellum Romanum*» как войне без каких-либо ограничений и правил.

В средние века даже церкви не удалось ввести ограничения на методы ведения войны. В европейских войнах, войнах между христианами, различие между комбатантами и некомбатантами часто игнорировалось. К концу XI в. систематически стали предприниматься некоторые попытки распространить неприкосновенность

¹ Stacy R.C. The Age of Chivalry // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World. 1994. P. 27—28.

² Russell F.H. The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 6.

³ Ibid. P. 7.

некомбатантов на духовенство, женщин, детей и бедняков¹. К сожалению, на поле боя эта неприкосновенность постоянно нарушалась. Приблизительно в то же время такое новшество, как тяжелая конница, привело к значительным социальным, экономическим и военным переменам. Возник новый социальный порядок, для которого были характерны резкое разделение между вооруженной знатью, представители которой были настоящими воинами того времени, и невооруженными простолюдинами. Как пишет Роберт Стейси², воинское ремесло считалось христианским делом, а не общественным долгом. Воин воевал как личность, а не как лицо, находящееся на государственной службе, получающее жалование за свою работу. Умение сражаться было благородным искусством рыцарей, оно не предназначалось для других слоев общества. Мэлхэм Уэйкин приводит на этот счет яркий пример, пересказывая «...историю тех крестьян Южной Германии, которые в 1078 г. боролись за своего императора против рыцарей феодальных армий. После поражения крестьян их кастрировали только за то, что они посмели взять в руки оружие»³. Лица, определявшие политику, были связаны между собой классовыми и семейными узами, которые накладывали на них определенные обязательства и ограничения. Даже во время войны высшие классы учитывали это в самих способах, которыми они воевали друг с другом.

В последующие века на формирование правил ведения войны оказали влияние социальные факторы. Социальные и семейные узы накладывали определенные обязательства и ограничения на высшие классы. Так, во время войны против Саксонии в 1756 г. пруссаки отрезали саксонцев от продовольственных запасов, но при этом король Саксонии, находившийся тогда в военном лагере в Пирне, не пострадал: его прусский родственник распорядился, чтобы все предназначенное для королевского стола могло свободно проходить через все кордоны. Иными словами, классовые и семейные связи удерживали стороны от развязывания всеобщей войны. Принцип соразмерности, являющийся одним из двух прин-

¹ Keen, Hugh M. *The Laws of War in the Late Middle Ages*. L.: Routledge & K. Paul, 1965. P. 291.

² Stacy R. *The Age of Chivalry*. P. 27—28.

³ Wakin M. M. *The Ethics of Leadership I // War, Morality, and the Military Profession*. 2nd ed. / Ed. by Malham Wakin. Boulder; L.: Westview Press, 1986. P. 184—185.

ципов *jus in bello*, служил той же цели и частично ею определялся. Он был направлен, в частности, на минимизацию негативных последствий для обеих сторон на поле битвы, включая последствия для комбатантов.

Вплоть до XIX в. «законы» войны в значительной степени оставались вопросом неписаной традиции. Чем-то новым в этом отношении стало обнародование в 1863 г. для армий США так называемого Кодекса Либера (Lieber Code)¹. Кодекс состоит из 159 статей, затрагивающих такие темы, как наказание за преступления, совершенные против мирных жителей враждебных стран и военнопленных. Вскоре после этого, в 1868 г. царское правительство России выступило с инициативой соглашения под названием «Отказ от использования во время войны разрывных снарядов весом до 400 граммов»². Следующими вехами в кодификации законов войны (международного гуманитарного права) стала Четвертая Гагская конвенция 1907 г.³ и Женевские конвенции 1929 и 1949 гг.⁴ Этот свод законов международного права основан на принципах соразмерности и различия в категории *jus in bello*. Подобным образом на соблюдение этих двух принципов всеми воюющими сторонами сориентирована деятельность Международного Красного Креста (со времени его создания в 1864 г.)⁵.

Понятие *jus in bello* гораздо старше современного гуманитарного права. Юридический подход действительно во многом отличается от содержащегося в данной книге этико-исторического подхода. Тем не менее при анализе некоторых принципов справедливой войны на первом плане была и будет оставаться необходимость применения международного гуманитарного права для ограничения войны. В нашей книге это понятие, так же как

¹ Lieber F. General Orders № 100 (Instructions for the Government of Armies in the Field). N.Y.: D. Van Nostrand, 1863. Перепечатано в: The Laws of War: A Documentary History / Ed. by L. Friedman. 2 Vols. N.Y.: Random House, 1972. Vol. I. P. 158—186.

² Axinn S. A Moral Military. Philadelphia: Temple University Press, 1989. P. 65.

³ Higgins A.P. The Hague Peace Conferences and Other Conferences Concerning the Laws and Usages of War: Texts of Conventions with Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. P. 256.

⁴ The Geneva conventions of 12 August 1949; translated from the original French / Ed. by J.Pictet. Geneva: International Committee of the Red Cross, 4 Vol., 1952—60. *См.: Права человека: Сборник международных документов. М.: Юридическая литература, 1998. С. 384—588.

⁵ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 104.

понятие *jus ad bellum*, используется в несколько ином значении, чем то, которое принято в правоведении. Однако и для философов, и для правоведов эти понятия являются важным теоретическим инструментом обеспечения фундаментальных прав человека во время военных конфликтов, а точнее, для гуманитарной защиты граждан и гражданских объектов. Теория справедливой войны и международное гуманитарное право имеют общую этическую цель — защитить интересы человечества. Но стремясь к этой общей цели, философы и правоведы используют различные методологии и разные типы аргументации. В частности, это легко обнаружить в их рассуждениях о соразмерности и различии или даже когда они оперируют такими понятиями, как «военная необходимость» или «некомбатанты». Используя эти понятия в ситуационном анализе отдельных случаев, авторы следующих двух глав имеют в виду их специфически философское содержание, которое хотя и связано с тем, что развивается в правоведческом рассуждении, но все же отлично от него.

Глава VII СОРАЗМЕРНОСТЬ

Ги ван Дамм
Ник Фоушин

1. ОСНОВНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ

В данной главе мы возвратимся к теме соразмерности. *Принцип соразмерности* ранее уже обсуждался как один из тех принципов, которые должны соблюдаться, если стране предстоит обоснованно прибегнуть к использованию военной силы. Как уже было отмечено, этот принцип, будучи нормой *jus ad bellum*, требует, чтобы моральные потери, ожидаемые вследствие ведения войны, оправдывались получаемыми моральными выгодами. Теперь он будет применяться к действиям, предпринимаемым в ходе ведения войны, как принцип *jus in bello*. Хотя философская концепция, как и сам принцип соразмерности, не изменилась, изменилась сфера ее применения.

В контексте *jus in bello* термин «соразмерность» имеет отношение к общему расчету баланса пользы и вреда, связанных с осуществлением в ходе войны какой-нибудь конкретной операции или акции. Во избежание путаницы дадим четкую формулировку принципа. Как сам принцип соразмерности, так и соответствующая теория включают три допущения.

1. При определении того, соответствует ли принципу какая-либо акция или нет, учитываются только ее последствия.

2. Среди всех этих последствий учитываются только те, которые касаются общего *блага*. Для наших целей это означает, что в моральном анализе учитываются действия, прямо или косвенно воздействующие на жизни людей. Неодушевленные объекты, например религиозные сооружения и исторические достопримечательности, принимаются во внимание, если они имеют для людей особое «значение».

3. Оценка последствий с точки зрения общего блага принципиально возможна.

Взяты вместе, эти допущения дают возможность участникам военных действий вести себя разумно. Грубо говоря, первые два

допущения указывают участникам военных действий (главным образом, конечно, командирам), на что надо ориентироваться в моральных суждениях и при принятии морально значимых военных решений. Третье допущение показывает, что возможно делать общие оценки таким образом, чтобы можно было вынести суждения относительно того, причинила ли одна акция больше вреда (или пользы), чем другая.

2. ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Принцип соразмерности прибавляет к этим трем допущениям формулу, которая говорит тем, кто должен принимать решения, как они должны это делать. Согласно одной версии, эта формула такова: максимизируйте пользу и минимизируйте вред. Применительно к войне другая версия говорит о том, что разрушительные последствия военной акции должны соответствовать той цели, на которую эта акция направлена. Проблема заключается в сравнении отрицательных последствий военной акции с положительными результатами, которые должны быть достигнуты с помощью той же акции. Согласно данному критерию, всякая акция, всякая отдельная кампания, всякое конкретное событие войны должны отвечать принципу соразмерности. Дж. Ролз несколько иначе освещает этот момент: «Используемые средства не должны разрушать возможность мира или поощрять пренебрежение к человеческой жизни, которое ставит под угрозу нашу безопасность и безопасность человечества»¹. Применение насилия в масштабах, не нужных для победы, делает достижение прочного мира намного более трудным делом и поэтому морально недопустимо.

Но ни одна из этих формулировок не детализирована настолько, чтобы полностью объяснить принцип соразмерности. Напротив, ни одна из них не дает объяснения того, какова мера предполагаемого справедливого и несправедливого и каковы возможные отклонения от нее. Возьмем бомбардировку Дрездена². Если оценивать соразмерность, учитывая сами воздушные налеты и их непосредственные последствия для тех, кто находился в

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 332.

² The New Encyclopaedia Britannica / Ed. by Jacob E. Safra. Chicago, 1997. P. 221.

эпицентре бомбежки или возле него, то следует сделать вывод о том, что эти удары были несоразмерны. Рассмотренные в узком смысле (т.е. тактически) бомбардировки Дрездена имели незначительный военный эффект или не имели вовсе никакого, но при этом они причинили большой ущерб множеству тех людей, у которых не было ничего или почти ничего общего с немецкой армией и военной промышленностью. В результате воздушных налетов погибли от 35 до 135 тыс. чел.¹ Многие из них были беженцами, спасавшимися от наступления Красной Армии. Можно сказать, что в тактическом отношении бомбардировки Дрездена были безнравственны. Такое заключение можно сделать совершенно независимо от того, был ли при этом нарушен принцип различия, согласно которому гражданские лица и определенные гражданские здания не могут быть специальным объектом нападения (см. начало этой главы и следующую главу).

Но некоторые авторы считают, что бомбардировки немецких городов во время Второй мировой войны следует рассматривать более широко, принимая во внимание все последствия бомбардировок (т.е. исходить из стратегической точки зрения). Другими словами, на основе одного узкого (тактического) суждения относительно военной акции, можно сделать вывод, что она не отвечает принципу соразмерности, однако в более широком плане эта же акция может отвечать тому же принципу. Отстаивающие такой подход считают, что, вероятно, можно морально обосновать те налеты. Такой вывод базируется на предположении, что принцип соразмерности является приоритетным по отношению к принципу различия. Впрочем воздушные налеты на Дрезден, как вскоре стало ясно, и со стратегической точки зрения не соответствовали критерию соразмерности: бомбардировки были произведены так поздно, в конце войны (в ночь с 13 на 14 февраля 1945 и днем 14-го), что уже не имели никакого стратегического смысла. Так что эти налеты были безнравственны во всех отношениях.

На вопрос, какой же способ оценки отвечает принципу соразмерности, ответ будет следующим: в соответствии с этим принципом все последствия должны быть приняты во внимание. Так, оценивая, была ли конкретная военная операция морально оправданной или нет, необходимо включить в расчет и ожидаемые

¹ The New Encyclopaedia Britannica. Op. cit. P. 221.

последствия от самой операции, и то, может ли данная операция приблизить окончание войны.

Рассмотрим еще один пример. Можно констатировать, что согласно критериям *jus ad bellum* Германия во Второй мировой войне вела несправедливую войну. Тем не менее завоевание Нидерландов, Бельгии, Люксембурга¹, рассмотренное на уровне проведения военных операций, в целом отвечало требованиям принципа соразмерности. Хотя немцы, возможно, соблюдали принцип экономии силы так же, как и ограничение соразмерности, по отношению к поставленным тактическим целям их действия были пропорциональными. В основном их военное вторжение основывалось на стремлении сломить военное сопротивление, если это сопротивление препятствовало проникновению немецких танковых дивизий на захватываемую территорию. Убийства без необходимости, страдания и материальный ущерб в этом случае не были чрезмерными для каждой стороны. В тактическом отношении отдельные военные подразделения вели себя в соответствии с данным принципом. То же можно сказать об этих нападениях при стратегическом рассмотрении. Более мелкие операции вписывались в общую стратегию «блицкрига», которая позволила немцам за несколько недель летом 1940 г. нанести поражение Франции. Таким образом, большая часть отдельных сражений в той военной кампании (на тактическом уровне) и всей военной кампании в целом (на стратегическом уровне) удовлетворяла требованиям принципа соразмерности.

Более современные примеры показывают, как тактическое использование принципа соразмерности может привести к одному выводу, в то время как стратегические соображения — к другому. Во время конфликта между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские острова крейсер аргентинского флота «Генерал Бельграно» «был атакован британской подводной лодкой «Конкерор» и вследствие этого затонул»². Это стало причиной гибели 368 аргентинских моряков. Многим таккие потери показались непропорциональными той угрозе, которую представлял собой крейсер, поскольку в то время он не использовался против бри-

¹ Holmes R. Army Battlefield Guide. Belgium and Northern France. L.: HMSO, 1995. P. 183—204.

² Coates A. J. The Ethics of War. Manchester: Manchester University Press, 1997. P. 209—214.

танского флота, пытавшегося отвоевать Фолклендские острова. «Взвешенное» суждение (с учетом интересов всех сторон), как представляется, указывает на то, что англичане нарушили ограничения *jus in bello*, осуществив нападение на аргентинский корабль, который находился довольно далеко от места конфликта.

В таком случае тактически это затопление можно считать морально неоправданным бедствием. Затопление корабля не дало никакого тактического преимущества. Но с точки зрения более широкой стратегической перспективы положение выглядит по-другому. Англичане утверждали, что если бы этот крейсер потопил хотя бы один из их авианосцев или один транспорт для перевозки войск, это стало бы фатальным для всей операции¹. Таким образом, когда британские командиры приказали потопить «Генерала Бельграно», они рассматривали перспективу развертывания аргентинских военных кораблей как существенную угрозу. Эта угроза оправдывала атаки британского флота на аргентинские корабли и самолеты до начала высадки на берег его десантных войск. Крейсер «Генерал Бельграно» представлял собой особо опасную, смертельную угрозу, поскольку он превосходил по огневой мощи корабельной артиллерии любой находившийся в этом регионе английский корабль, а его броня делала его неуязвимым перед любым нападением с воздуха. В ответ на ожидавшуюся высадку английского десанта всем аргентинским военным кораблям был отдан приказ начать наступательные операции. Англичане знали об этих инструкциях. Хотя «Генерал Бельграно» временно отошел далеко от островов, чтобы свести к минимуму риск стать жертвой подводного нападения, тем не менее он оставался законной военной целью. Это суждение подтвердил капитан «Генерал Бельграно», который позже заявил, что они направлялись к материку для того, чтобы достичь исходной позиции и ожидать дальнейших приказаний.

В этих обстоятельствах англичане не могли позволить себе ждать, пока на них нападут, потому что это могло создать перевес в пользу окончательной победы или поражения. При рассмотрении в более широкой перспективе уничтожение «Генерала Бельграно», какими бы ужасными ни были последствия, по-видимому,

¹ *Hastings M., Jenkins S. The Battle of the Falklands. L.: Michael Joseph Ltd., 1983. P. 148.*

не нарушало принцип соразмерности. Таким образом, первая проблема, с которой мы сталкиваемся в понимании принципа соразмерности, разрешается в пользу более целостного подхода к оценке последствий по сравнению с более частным. Этот принцип предпочитает скорее подход с позиций «широкой картины», чем подход, который рассматривает место сражения узко.

Вторая проблема более сложная. Она связана с определением того, *кто* является объектом морального расчета. Если, как полагает этот принцип, предстоит оценить последствия для благосостояния, то о чьем благосостоянии должен заботиться военачальник? Является ли измерение двусторонним или односторонним? С точки зрения одностороннего расчета в некоторых ситуациях командиры и солдаты должны заботиться только о благосостоянии своих людей; подходя к ситуации с позиции двустороннего расчета, они должны заботиться о благосостоянии всех.

Настойчивое утверждение о том, что потери врага должны включаться в моральную оценку военной акции, многим военным, принимающим решения, кажется сомнительным. В результате проблема оценки выгод и потерь с обеих сторон, очевидно, оказывается лишь теоретической проблемой (и то для моральных философов) и не представляется имеющей практическое значение для командиров на поле боя, чтобы правильно принимать решения. Например, когда чиновники НАТО выражали беспокойство относительно человеческих издержек войны во время Косовского кризиса, они были озабочены главным образом благополучием натовских пилотов. Эта забота выражалась в инструкциях пилотам летать на таких больших высотах, чтобы югославские ракеты типа «земля — воздух» не смогли легко их достать¹. В то же время эти инструкции подразумевали, что при такой высоте полетов неизбежно возрастут жертвы среди гражданского населения на земле, так как пилоты не всегда могут отличить военную цель от невоенной.

Война в Персидском заливе в данном отношении также показательна. Когда генерал Норман Шварцкопф выразил беспокойство относительно человеческих потерь на этой войне, каждому наблюдателю было ясно, что он имел в виду главным образом благополучие собственного военного персонала. Благополучие иракских войск он рассматривал как заботу и ответственность

¹ Ignatieff M. *Virtual War*. L.: Chatto and Windus, 2000. P. 63.

иракских командиров. Это отношение преобладало также и во время войны во Вьетнаме, войны в Корее и во Второй мировой войне. Во всех этих войнах в умах командиров действующей армии доминировало одностороннее представление о соразмерности человеческих потерь.

Что говорит об этом вопросе принцип соразмерности совершенно независимо от односторонних тенденций многих командиров (и солдат на поле боя)? Рекомендует ли он односторонние или двусторонние расчеты? Ответ ясен. Принцип не предусматривает оценку потерь только «нашей стороны» и, таким, образом, не исключает из рассмотрения «другую сторону». Разумеется, он не запрещает «нашей стороне» стрелять по «другой стороне», пока идут бои. Но он указывает на то, что поскольку человеческие страдания — это плохо, то каждый участвующий в войне должен принимать во внимание благополучие всех, кого затрагивает война.

3. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Согласно мнению большинства моральных теоретиков, широко-масштабное использование ядерного оружия нарушает принцип соразмерности так же, как и принцип различия. Несомненно, широкомасштабное использование такого рода оружия моментально уничтожит огромное число целей, включая людей, здания и материальные ценности, которые не имеют военного значения. Далее, радиоактивные осадки поразят окружающую среду, так что на протяжении многих лет настоящее и будущие поколения будут переживать смертельно опасные последствия. Сравнительная оценка пользы и вреда, связанных с нанесением массированного ядерного удара, по-видимому, неизбежно приводит к выводу, что ядерная война всегда будет нарушать принцип соразмерности.

Некоторые считают, что ограниченное использование таких видов оружия теоретически могло бы отвечать требованиям принципа соразмерности, если бы не приводило к эскалации конфликта. В этой связи рассмотрим ядерные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, осуществленные во время Второй мировой войны¹. Хорошо известны аргументы в пользу нанесения

¹ *Churchill W.* The Second World War. L.: Cassell, 1949. P. 557.

этих ядерных ударов. В то время Япония готовилась к отчаянной обороне своих главных островов. В ответ на это американские военные специалисты произвели следующие расчеты. В сражении на Окинаве в июне 1945 г. американские войска потеряли почти 40 тыс. человек, в том числе более 12 тыс. убитыми. Потери японцев составили примерно 120 тыс. человек, из которых 110 тыс. убитыми¹. Возникло опасение, что в ходе высадки десанта и сражений за главные японские острова будут убиты миллионы мужчин и женщин. Было подсчитано, что ядерная бомбардировка двух городов приведет к гибели 80—150 тыс. японцев (главным образом, мирных граждан). Согласно этому расчету, от ядерной атаки погибнет меньше людей, чем в результате обычной войны, которая затянулась бы на несколько месяцев или даже на целый год. Таким образом, некоторые считают, что сбрасывание ядерных бомб на Хиросиму и Нагасаки отвечает принципу соразмерности. Конечно, это не означает, что теория справедливой войны одобряет эти бомбардировки. В конце концов, бомбы были направлены на гражданское население этих двух городов, следовательно, при этом был нарушен принцип различия.

Те, кто принял решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, стояли перед выбором между совершением чего-то такого, что можно считать однозначно несправедливым (т.е. преднамеренного убийства мирных граждан с помощью атомной бомбы), и совершением чего-то другого (т.е. вторжения в страну посредством пехотных войск), когда в количественном отношении несправедливость, вероятно, будет во много раз большей.

Американское правительство было убеждено в обоснованности первой альтернативы. Оно считало, что принцип соразмерности мог бы вполне обоснованно перевесить принцип различия. Уинстон Черчилль выразил это следующим образом: «Предотвратить грандиозную, ничем не ограниченную бойню... ценой нескольких взрывов, казалось после всех наших трудов и опасностей неким чудесным избавлением»².

Моральную законность такого решения оспаривали многие. Одни считали, что принцип различия не перевешивается принци-

¹ *Smurthwaite D.* The Pacific War Atlas: 1941—1945. N.Y.: Mirabel Books Ltd., 1955. P. 130; *The Oxford Companion to World War II* / Ed. by ICB Dear. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 836.

² *Walzer M.* Just and Unjust Wars. P. 267.

пом соразмерности. Другие полагали, что союзники совершили ошибку, предъявив такой ультиматум Японии, который включал неприемлемые для японцев условия, например безоговорочную капитуляцию и низложение императора¹. При этом предполагалось, что военный кабинет Японии мог бы при определенных условиях принять требование капитуляции. Указывалось также на то, что следовало бы попробовать и другие пути завершения войны. Например, американское правительство могло бы довести до сведения японских руководителей информацию о бомбе, предоставить убедительные доказательства ее чрезвычайной разрушительной силы, а затем предложить провести переговоры относительно заключения мира. Эту возможность надо было использовать, даже если она и не гарантировала окончания войны.

Несомненно, после 1945 г. отношение к этическим проблемам войны коренным образом изменилось. Благодаря Женевским конвенциям 1949 г. многие начали уважать на поле боя принцип различия.

4. БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Биологическое оружие можно определить как оружие, заряженное микроорганизмами, например бактериями, вирусами, возбудителем риккетсиоза или грибками². Эти виды оружия применялись на протяжении многих столетий. Наиболее известный пример их применения — осада Кафы в 1346 г.³ Генуэзский морской порт Кафа⁴ в 1345 г. осаждался монголами. Но в 1346 г. пришло странное избавление: осаждавшую крепость монгольскую армию поразила «черная смерть» — чума (болезнь, вызываемая чумной бактерией и передаваемая людям через блошиный укус от зараженного грызуна⁵). Монголы умирали тысячами и в результате поте-

¹ См.: *Glover J.* *Humanity. A Moral History of the Twentieth Century.* L.: Pimlico, 2001. P. 93—112.

² *Geissler E., Van Courtland Moon J. E.* *Biological and Toxin Weapons: Research, Development and Use from the Middle Ages to 1945.* Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1.

³ *McDermott J.* *The Killing Winds, the Menace of Biological Warfare.* N.Y.: Aberhouse, 1987. P. 21.

⁴ В настоящее время Феодосия (на Крымском побережье).

⁵ *Geissler E., Van Courtland Moon J. E.* *Biological and Toxin Weapons.* P. 13.

ряли интерес к осаде. Тем не менее с помощью катапульт они забросили в город тысячи зараженных чумой трупов. Жители Кафы не смогли избавиться от всех трупов (сбрасывая их в море), поэтому вскоре разлагающиеся трупы заразили воздух и отравили все запасы воды. Множество жителей Кафы умерли. Однако несколько оставшихся в живых людей спаслись и способствовали распространению чумы на запад. Весной 1347 г. чумой был поражен Константинополь, в октябре 1347 г. — Мессина, в январе 1348 г. — Генуя, Венеция и Марсель¹. Согласно оценкам, за 5 лет население Европы сократилось на 25%.

История человечества щедра на такие примеры применения биологических средств ведения войны, но пример с осадой Кафы дает ясное представление о главных особенностях этой формы ведения войны. Возбудители инфекции воспроизводятся в пораженном организме, но последствия заражения обнаруживаются только по прошествии инкубационного периода. Тем временем возбудители инфекции заражают других людей, которые также переживают инкубационный период и заболевают. Этот процесс все повторяется и повторяется и таким образом часто принимает неуправляемый характер.

Если посмотреть на то, что случилось в Кафе, с точки зрения принципа соразмерности, становится также ясно, что неконтролируемые и долговременные последствия использования биологического оружия можно считать полностью отрицательными. При этом виде оружия теряется необходимость практически в любом расчете, требуемом данным принципом. Также ясно, что в свете технического потенциала XXI в., который дает возможность производить еще более смертоносное биологическое оружие, оценка отрицательных и положительных последствий использования биологического оружия не оставляет сомнений в выборе. Нет никакого реального способа, позволяющего использовать это оружие согласно требованиям принципа соразмерности.

Этот вывод отражается в тех шагах, которые предпринимает все мировое сообщество для того, чтобы контролировать применение такого оружия. Например, Конвенция о биологическом оружии от 1972 г. запрещает разработку, производство, накопление и приобретение биологического оружия². Страны, ратифици-

¹ Ibid. P. 14.

ровавшие эту Конвенцию, сделали это не только потому, что применение биологического оружия рассматривается как нарушение принципа соразмерности, но также и потому, что оно нарушает принцип различия (см. следующую главу).

Независимо от того, были они запрещены или нет, на протяжении всего XX в. производились обширные исследования, связанные с биологическим оружием. Еще в начале XX в. исследования в области биологического оружия вела Япония. В 1935—1942 гг. японцы построили, в основном в китайской провинции Северная Маньчжурия, так называемые «фабрики смерти», где велись обширные исследования. В ходе экспериментов погибли тысячи китайцев¹. Еще большее число людей погибло в результате воздействия биологических веществ, брошенных отступавшими японскими войсками в конце войны². В начале холодной войны США осуществляли исследования в области биологического оружия, а потом провели испытания на некоторых своих гражданах без их согласия³. В 1979 г. выяснилось, что обширная программа исследования биологического оружия была и у Советского Союза. Именно тогда большой район вокруг Свердловска (ныне Екатеринбург) поразил вспышка сибирской язвы. Наиболее пугающим следствием вспышки было то, что 66 человек умерли в редко населенной области из-за выброса менее 1 г возбудителя сибирской язвы⁴. После Второй мировой войны было несколько попыток использовать это оружие в войне. Один из таких случаев произошел во время Вьетнамской войны. Вьетнамские войска использовали бактериологическое оружие не против американских вооруженных сил, а против жителей племени хмонг, которые, конечно, не могли ответить на это адекватно⁵.

⁸ *Christopher P.* The Ethics of War and Peace. New Jersey: Prentice-Hall, 1999. P. 122.

¹ *Harris Sh.H.* Factories of Death. L.; N.Y., Routledge, 1995. P. 51.

² *Ibid.* P. 67.

³ *McDermott J.* The Killing Winds. P.170—188.

⁴ *McDermott J.* Op. cit. P. 36—60.

⁵ The New Encyclopaedia Britannica. Op. cit. P. 90.

5. ПРИНЦИП ДВОЙНОГО ЭФФЕКТА

Завершая главу, необходимо особо упомянуть о принципе, известном как принцип двойного эффекта (ПДЭ). Строго говоря, ПДЭ не является частью теории справедливой войны: он обычно не вносится в список принципов данной теории в том качестве, в каком вносятся в этот список принципы соразмерности и различия. Однако все разновидности ПДЭ используют эти принципы. Кроме того, в определенных ситуациях некоторые ученые, занимающиеся исследованием этики войны, предпочитают обращаться к ПДЭ, а не к принципам соразмерности и различия. Поэтому вполне уместно уделить ПДЭ некоторое внимание.

Свое начало ПДЭ берет из понимания того, что у действий часто бывает более одного следствия. Конечно, война чем-то подобна этому. Совершаемые солдатами действия могут привести к смерти вражеских солдат, и в то же время к смерти случайных прохожих, к травмам вражеских солдат и прохожих, к разрушению зданий, ущербу окружающей среде и т.д.

Многочисленные последствия действий можно изобразить с помощью таблицы. В ней по *горизонтали* помещаются результаты того или иного действия, по *вертикали* даются оценки того, что было осуществлено: «хорошо» или «плохо». Таким образом, в ячейке, отмеченной П-1, действующее лицо в случае успеха предвидит уничтожение фабрики военного обмундирования и намерен это осуществить. Напротив, в ячейке О-1 преднамеренное и предвидимое разрушение всего города приводится в качестве примера, когда главной целью оказывается устрашение населения. Такое намерение и последствия такого действия расцениваются как отрицательные. В ячейке О-2 представлены результаты действия, при котором разрушение зданий рядом с фабрикой можно было предвидеть, но оно не было намеренным. Результат такой бомбардировки отрицательный, но он не был намеренным.

Действия, имеющие результат, обозначенный П-1, могут, таким образом, рассматриваться в качестве легитимных, а действия, результат которых обозначен О-1 — в качестве нелегитимных. Но у действий могут быть разные результаты. Возможно, что некое действие приводит почти одновременно к результатам П-1 и О-2 и получение одного результата невозможно без получения другого. Встает вопрос, при каких последствиях такое действие может считаться легитимным?

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЙСТВИЯ

Результаты бомбардировки	Положительное (П)	Отрицательное (О)
Намеренные (1)	Например, уничтожение фабрики военного обмундирования в городе П-1	Например, уничтожение всего города О-1
Ненамеренные (2)	Например, уничтожение склада военного обмундирования при фабрике военного обмундирования П-2	Например, уничтожение жилых домов рядом с фабрикой военного обмундирования О-2

ПДЭ включает в себя три следующих требования:

1. Разрешаются только положительные преднамеренные действия типа П-1. Запрещаются прогнозируемые и намеренные военные действия типа О-1, приводящие к отрицательным результатам. Здесь мы видим принцип различия в действии в условиях ПДЭ.

2. Действия, которые ведут к результатам двух типов П-1 и О-2, при которых, как предполагается, предвидимые и намеренные результаты типа П-1 перевешивают вред, вытекающий из предвидимых, но ненамеренных результатов типа О-2, являются легитимными. Здесь мы видим действие принципа соразмерности в условиях ПДЭ.

3. При неизбежности предвидимых, но ненамеренных отрицательных результатов (О-1) следует выбирать наименее отрицательный результат. Это значит, что последствия военных действий должны быть предвидимыми и О-2 должно быть минимизировано. Если возможно предвидеть, что x приведет к меньшим потерям, сопутствующим О-2, чем y , а y — к меньшим, чем z , то следует выбрать x . Именно это следует из принципа соразмерности.

Оценим, как ПДЭ отвечает на вопрос относительно ранее обсуждавшихся ядерных бомбардировок во время Второй мировой войны. Согласно самой очевидной интерпретации ПДЭ, уже требование 1 прямо осуждает такие бомбардировки. Бомбардировки указывают скорее на дурные намерения (О-1), чем на добрые (П-1), поскольку намерение бомбить включает в себя нацеливание на города, где живут тысячи людей, в войне не участвующих. Поэтому дальнейшие дискуссии по этому вопросу не имеют смыс-

ла. С учетом ПДЭ такие бомбардировки могли быть этически допустимыми при условии, что они отвечали бы всем трем требованиям ПДЭ. Но бомбардировки не могут отвечать даже требованию 1.

6. ВЫВОДЫ

Саму по себе концепцию принципа соразмерности как критерия *jus in bello* понять нетрудно, но ее очень трудно применить в конкретных ситуациях. По большей части это обусловлено присущей войне неопределенностью. Довольно часто рациональные расчеты провести очень трудно. Тем не менее бывают случаи, когда этот принцип применяется как средство для ограничения ужасных последствий войны. Применение его надлежащим образом помогает тем, кто принимает решения на полях сражений, беспристрастно и широко оценивать потери и выгоды. Когда этот принцип требует беспристрастности, он призывает не забывать о страданиях людей, находящихся «на другой стороне». Когда этот принцип требует широкой интерпретации, он заставляет нас не ограничивать внимание только на ближайших последствиях наших действий. Соразмерность в *jus in bello* — это принцип с широким диапазоном действия, указывающий на необходимость как можно лучше рассматривать *все* последствия наших действий, поскольку они затрагивают *каждого*, кто оказывается в их зоне.